

ГОТОВНОСТЬ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

В нашей повседневной жизни мы часто сталкиваемся с феноменом готовности. Уже поверхностное размышление дает смутно почувствовать универсальный характер этого феномена. В настоящей статье я постараюсь осуществить его философский анализ. В моей работе «Переживание и действие»¹ уже была предпринята попытка такого анализа. Но теперь я могу представить более тщательно разработанную концепцию.

1. Готовность в сфере вещей

На важность феномена готовности указывают уже само наличие в языке этого слова и его частое употребление в повседневной жизни. Начнем с анализа самого безобидного примера. Мы говорим, например: нужно приготовить обед. В русском языке просто нет возможности выразиться иначе. Нельзя сделать обед или создать его, но можно, скажем, сварить суп или пожарить картошку. Небольшое размышление подсказывает источник такого словоупотребления. Когда мы говорим о приготовлении обеда, то просто подразумеваем, не задумываясь об этом, что все необходимые для обеда продукты уже в наличии. Солдат готовит к бою свое оружие. Как поется в известной песне, «и вот теперь, быть может, он свой автомат готовит к бою». Работники аэропорта готовят к вылету самолет. Здесь оружие и самолет уже имеются в наличии, но требуется подготовить их к определенному применению в определенный момент. Готовый суп и готовый к вылету самолет через некоторое время уже не будут пригодны для использования и утратят качество готовности. Когда мы говорим о готовности, то ожидаем, что при заданных условиях некоторый предмет поведет себя определенным способом. Обед окажется вкусным и сытным и

¹ См.: Очерки феноменологической философии / Под ред. Я. А. Слипина и Б. В. Маркова. СПб., 1997. С. 154–207 (очерк 5: «Переживание и действие»). Из другой литературы мне известна лишь недавно вышедшая в русском переводе книга Г. Райла «Понятие сознания» (М., 2000; см. с. 150–151). Однако анализ Райла представляется мне поверхностным.

не приведет к расстройству желудка, оружие не подведет, а самолет благополучно совершит предусмотренный рейс. Хотя всегда есть некоторый риск, что случится нечто непредвиденное: обед окажется несъедобным, автомат не выстрелит, а самолет потерпит крушение, задача подготовки и приготовления как раз в том и состоит, чтобы свести этот риск к минимуму и достичь гарантированной достоверности успеха. Издатель спрашивает автора, готова ли его рукопись. Он подразумевает при этом, что она написана от начала и до конца и имеет ту степень завершенности, которая позволит отдать ее в печать. Наличие самой рукописи, ее осмысленность и полезность предполагаются само собой разумеющимися до такой степени, что даже не упоминаются и, скорее всего, даже не мыслятся в какой-либо форме, о них нет и речи. Приготовление означает последнюю стадию пребывания вещи в одних руках перед передачей ее в другие руки или перед ее использованием в новых обстоятельствах. Солдат сам готовит к бою свой автомат, но делает это, когда бой еще не начался. Здесь проявляется пограничный характер феномена готовности. Готовая вещь не просто в самой себе обладает некоторым устойчивым и вполне определенным бытием, не только в принципе может быть использована для некоторой цели, но пригодна для определенного применения в определенный момент, и притом с гарантированной достоверностью успеха. Мера приемлемого риска может быть различной, но простая возможность или правдоподобность успеха, как показывают приведенные примеры, вовсе не достаточна, если мы говорим о готовности.

Запомним, что готовность всегда связана с некоторым риском, но устроена таким образом, чтобы сделать этот риск минимальным. Выражение «вещь готова» как бы убаюкивает и приостанавливает нашу осторожность и предусмотрительность: готова — и делу конец. И уж, конечно, готовность не означает простую возможность, а имеет значительно более сложную и богатую структуру, вкратце только что описанную.

Готовность связана с подготовкой. Подготовка проходит много стадий, но мы сейчас выделим две основные. Обстоятельства нашей жизни несут в целом регулярный и предсказуемый характер. Лето сменяет зиму, часы работы чередуются с часами отдыха. Важный деловой разговор, поступление на учебу в университет или на работу в некоторую организацию и даже такие события, как война или промышленный кризис, в той или иной степени можно предвидеть заранее. Обычно мы имеем достаточный запас времени, чтобы подготовиться к некоторому событию. Однако такая удаленность от пред-

стоящего события, упрощая подготовку, вносит значительную неопределенность в возможный сценарий развертывания обстоятельств. На этой стадии мы можем делать заготовки. Мы говорим о заготовках к зиме или о домашней заготовке в случае шахматной партии. Болванку, из которой будет изготовлено некоторое металлическое изделие, также называют заготовкой. Производство заготовок есть начальная стадия приготовлений. Заготовка обладает большей потенциальной универсальностью, чем готовая вещь. Одну и ту же заготовку можно использовать для изготовления различных вещей. Заметим, что результаты, получаемые фундаментальной наукой, тоже можно рассматривать как заготовки. Прикладные науки и техника превращают их в готовые вещи. Обычно заготовка требует больших усилий и ресурсов, чем ее преобразование в готовую вещь. Продукты, из которых будет приготовлен обед, заготовлены заранее. Даже самолет, не заправленный горючим и не прошедший дополнительной проверки, в определенной мере лишь заготовка по отношению к самолету, совершающему определенный рейс. Завершающая стадия подготовки проходит в условиях значительно большего дефицита времени, но и располагает более подробными сведениями об обстоятельствах использования. Эту стадию можно назвать стадией приготовления. Таким образом, мы можем выделить две основные стадии подготовки: стадию заготовки и стадию приготовления.

Риск и напряжение готовности возникают на завершающей стадии приготовления в ожидании грядущих событий. Феномен риска, который часто теряется из виду и лишь смутно подразумевается, на деле сопутствует готовности, так что всегда, когда налицо некоторая готовность, с ней связан и некоторый риск, степень которого, как и степень осознания которого, не поддается точной оценке. Поэтому подготовка мыслится, по сути, как всесторонний учет всевозможных ситуаций — недостижимый, но нормативно образующий идеал. Стремление к гарантированной достоверности успеха, свойственное ситуации готовности, имеет двоякий результат: все более универсальный характер заготовок и все более специализированный характер готовых вещей. Чем уже круг актуального использования, тем легче обеспечить достоверность.

Наиболее осознанно стремление к гарантированной достоверности в области науки и техники. Научный эксперимент требует строжайшего соблюдения специальных условий. Гарантированность результата достигается за счет сужения горизонта. Здание, построенное с нарушением технологии, оказывается непрочным, а если не выпол-

нены условия математической теоремы, то и вывод, обеспечиваемый этими условиями, перестает быть правомерным.

Другой способ достижения гарантированной достоверности успеха сосгоит в стандартизации. Стандарты присущи не только технике, но и повседневной жизни. Мы говорим, например, о высоких жизненных стандартах. При обычных обстоятельствах рутинные, вошедшие в привычку действия обеспечивают приемлемый в быту уровень успешности.

Однако пограничный характер феномена готовности обладает гораздо более сложным устройством, чем это может показаться на первый взгляд. Чтобы разобраться в этом, перейдем теперь от готовности вещей к готовности самого человека, изготовляющего и использующего эти вещи.

2. Готовность человека

В повседневной жизни каждый из нас имеет множество дел, занятий и обязанностей. Часы работы и часы домашних дел сменяются часами досуга. Но и часы досуга чему-то посвящены. Любое занятие требует некоторой готовности. Человек всегда к чему-то готов или к чему-то готовится: к работе или к отдыху, к встрече с друзьями, к выступлению на конгрессе или к участию в соревновании. Даже к приему пищи или ко сну нужна некоторая, пусть минимальная, готовность. Готовность возникает в процессе подготовки. Подготовка требует собранности в смысле психологического настроя, а также особой организации подручных средств. Чтобы работа была успешной, рабочее место должно быть хорошо организовано, подготовлено. Например, для написания статьи требуется иметь под рукой необходимые материалы и заготовки.

В повседневной речи мы не колеблясь говорим, что человек обладает сознанием. В контексте данной статьи нас интересует осознание готовности. Но прежде всего попробуем разобраться, что имеется в виду, когда мы говорим о сознании.

3. Сознание

Давайте вновь обратимся к подсказке обыденной речи.

В Венеции, хоть я и сознаю,
Что мог бы поточней построить фразу,

В Венеции простят строку мою,
В Венеции, где не был я ни разу.

А. Кушнер

Осознавать — значит замечать, обращать внимание². Утверждение «я вижу “...”» обозначает не только тот факт, что я вижу «...», но и мою осведомленность об этом. Глагол «осознавать» — обобщающий. Глаголы «видеть», «слышать», «чувствовать», «думать» или «понимать», «вспоминать» или «предвидеть», «желать», «стремиться», «верить» указывают на конкретный способ сознания чего-либо. Высказывание «я стремлюсь к успеху» подразумевает, что я имею некоторое представление об успехе, которое и вынуждает меня стремиться к нему. Сознать что-то — означает быть способным дать (себе или другим) отчет о происходящем. Таким образом, сознание — это все, что я вижу, слышу, чувствую, вспоминаю, о чем думаю, что знаю и во что верю. В этой формулировке отчетливо выступает структура сознания «я — вижу — всё»³. (Когда я думаю о вышеупомянутой формуле, то вспоминаю строчки Ахматовой: «Я вижу все, я все запоминаю...») Однако сама эта структура обычно ускользает от внимания человека, который что-то видит. Одно дело, когда я, скажем, осматриваю автомобиль, чтобы его хорошенько разглядеть или детально обследовать, и другое дело, когда этот автомобиль внезапно появился передо мной и я едва успеваю от него увернуться. Вопрос не только в том, что в последнем случае у меня нет времени для размышления. В этом случае мой интерес, если можно так выразиться, к автомобилю обусловлен лишь необходимостью увернуться от него. Я иду по улице и думаю о предстоящей лекции. Если меня спросят, по какой именно улице я шел, я, возможно, и не смогу вспомнить и ответить. Хотя у меня

² Мое обращение к повседневной речи идет несколько иным путем, чем обращение к языку в работах позднего Витгенштейна и его последователей. Я стремлюсь понять подтексты повседневной речи. Весьма показательно, что язык оказывается мудрее философов-позитивистов. Понятие сознания, которое имплицитно заключено в повседневной речи, я пытаюсь эксплицитно выразить. Понятие сознания и рассматриваемое далее понятие переживания попали в общенародный язык из философии. Однако сущностный смысл, как видно из приведенных здесь рассуждений, не только не был утрачен, но приобрел новое качество, как это бывает с выдержанным вином.

³ В этой формуле нетрудно узнать формулу Р. Декарта, детально развитую Эдмундом Гуссерлем: *ego — cogito — cogitatum*. См.: Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989; Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2001. — Однако вывод этой формулы здесь весьма отличается от метода систематического сомнения Декарта.

было время, чтобы разглядеть эту улицу, мое внимание было приковано к предстоящей лекции. Можно жить в мире книги, не замечая того, что названный мир раскрывается посредством процедуры чтения. Эта процедура становится как бы автоматической и не требует осознанного внимания. Так, не обращает внимания на очки, которые находятся на его собственном носу, человек, который их носит. Сквозь особые очки, которые называются «я — вижу» или «я — читаю», мне открывается мир, в котором я живу, просто как «все». Я могу, например, сказать: «я думаю, что $2 \times 2 = 4$ ». Однако обычно я просто говорю: « $2 \times 2 = 4$ ». И для этого есть веские и весьма глубокие причины. Они состоят, в частности, в том, что, по моим представлениям, всякий знает, что $2 \times 2 = 4$. В этом случае структура «я — знаю — всё» преобразуется. Теперь она принимает вид «всякий — знает — всё». В этом преобразовании скрывается и то, что «всякий» в данном случае есть мой собеседник, тот, к кому я обращаюсь. Но он — до известной степени — в данном случае играет роль «всякого».

Обычно мы все это не замечаем или, замечая, не придаем этому никакого значения. Люди живут совместно, и каждый делает свое дело. Ориентируясь на других, я предполагаю, что не только «я — вижу — ...», но и «каждый — видит — ...». В действительности это обычно вовсе и не предположение, а само собой разумеющееся состояние дел. Причем роль каждого и всякого исполняют прежде всего люди, с которыми я непосредственно связан: родственники и соседи, друзья и знакомые, коллеги и партнеры, официальные лица. Конечно, в каждом случае сознание имеет свою особую модификацию, но чаще всего сознание выступает в форме «каждый — видит — всё». Какими конкретными путями происходит замена одной формулы на другую — это предмет особого и очень непростого исследования. Но во многих случаях — а вернее, почти всегда — каждый подразумевает, не отдавая себе при этом сколько-нибудь полного отчета, что другой видит в общем и целом примерно то же, что и он сам. А различие, если оно и есть, просто игнорируется и не выступает не только в роли чего-то проблематичного, но даже в роли предмета какого-либо внимания. (Другое дело, что есть специальные случаи, например свидетельские показания, когда это различие бросается в глаза и требует анализа.)

Каждый и всевидящий также обычно только смутно подразумевает, если на него вообще обращают взгляд. Конечно, все это может происходить и происходит только до тех пор, пока другой не проявляет свою экзистенциальную мощь, вынуждая меня обратить на него внимание. Так происходит в известном примере Ж.-П. Сартра, когда

некто подглядывает в замочную скважину и испытывает чувство стыда при появлении другого.

Однако теоретик в тиши кабинета и обыватель в повседневном гаме могут до поры до времени обо всем этом не думать. Сознание выступает просто как бытие, а точнее, как совокупность фактов и вещей, положение дел и привычная реальность, как некоторый всеобъемлющий мир («всё»). Формула сознания сокращается до одного члена. Конечно, Я еще остается в этом мире, но только как один из объектов, который оказывается лишь изредка интересным или насущным. Все заняты делом. Я занят наукой и при этом думаю о науке и лишь изредка о себе самом. Или я занят делом и делаю указанное дело, выступая при этом полностью анонимно. Мир желаний оказывается только личным делом, он выпадает из «объективной» картины. При этом желания объясняются психологией или биологией, они игнорируются как причина мира как такового, «объективного» мира.

Здоровый человек обычно не чувствует своего тела, успешный бизнесмен обычно не думает о рискованности своего предприятия. Это относится и к позитивным наукам, в первую очередь к математике и естествознанию. Наука обращается не ко мне, а ко всякому. Более того, она говорит о том, каков есть мир, безразлично к существованию людей. Исключение Я, субъекта, человека, который и делает эту науку, из поля зрения на каком-то этапе исследований вполне оправданно. И все-таки «объективная истина» — не полная истина, так как мир есть мой и наш мир. Более того, общий мир и мир вообще конституируются на базе моего мира.

Говорят, что когда я перестаю смотреть на стул, он тем не менее продолжает существовать. Но попробуем модифицировать этот пример. Допустим, я посетил какой-то город, а затем вернулся домой. Вы говорите, что этот город продолжает существовать. А что, если во время моего отсутствия этот город был уничтожен извержением вулкана, а я продолжаю наивно думать, что он по-прежнему «есть»? Данный пример показывает, что способ доступа к объекту играет решающую роль в формировании мира. Объект существует, если я могу вновь и вновь видеть его или по крайней мере узнавать о нем из надежных источников. Говорить об объекте, который никоим образом не доступен, бессмысленно. Молчаливо подразумевается, что кто-то другой или Господь Бог его видит.

Мир есть инвариант доступных мне преобразований того, что поначалу просто «сознается» хотя бы в качестве чего-то неизвестного.

Но если сознание — это всё, то можем ли мы еще что-то о нем сказать (помимо того, что это «всё» я и «всякий» видим, слышим и понимаем)?

4. Переживание

Чтобы прояснить подходящий метод для анализа сознания, рассмотрим древнегреческий парадокс о летящей стреле. Стрела находится в каком-то месте, а потому не может двигаться. Так называемый диалектический метод, указание на то, что стрела и находится в некотором месте, и не находится в нем, вовсе не решает проблему, а лишь фиксирует ее. Выход заключается в том, чтобы следить за полетом стрелы некоторое время. И тут выясняется, что стрела вылетает из лука и попадает в цель. Полет стрелы, рассмотренный ретроспективно, есть траектория. Конечно, в этом нет ничего нового: анализ траекторий — одна из основных задач математической физики и теории дифференциальных уравнений. Но по отношению к сознанию принцип траектории, т. е. принцип ретроспекции, разработан еще недостаточно. Именно поэтому до сих пор ведутся споры о невозможности интроспекции — наблюдения сознания как оно есть в текущий момент. Интроспекция так же бесполезна, как мгновенный взгляд на летящую стрелу. Наш метод — не интроспекция, а ретроспекция.

При теоретическом анализе сознания я приостанавливаю любую его деятельность, за исключением деятельности анализа и созерцания того, что находится прямо перед глазами. Недаром так часто в качестве примеров рассматриваются столы и стулья (по-видимому, взятые из того кабинета, в котором протекает размышление). Однако передо мной, кроме этих предметов мебели, простирается вся моя прожитая до сих пор сознательная жизнь, доступная в форме теоретического припоминания. Конечно, я анализирую прежде всего не саму эту процедуру припоминания, а то, что дается мне через нее. Наша жизнь состоит из более или менее упорядоченных и регулярных активностей, которые можно мысленно расположить на оси астрономического времени. Есть детство, отрочество, юность и зрелость с присущими им занятиями и интересами. Есть годы учения и годы профессиональной работы. Сон и бодрствование сменяют друг друга, а часы работы сменяются часами досуга. Есть профессия и увлечения, есть личная и общественная жизнь. И все это более или менее упорядочено.

Понятие отдельной чувственно воспринимаемой вещи играет огромную роль в нашей жизни, так как люди постоянно используют и производят такие вещи. Эта практическая преобладающая роль вещей отразилась и в традициях научных исследований, которые тоже являются разновидностью общественных практик. Однако следует обратить внимание на то, что все такие вещи, а в более широком смысле и все предметы (например, география как школьный предмет) всегда выступают в смысловом контексте. Вещь, как справедливо замечает М. Хайдеггер, есть прежде всего часть подручного мира⁴. Мы не столько созерцаем вещи, сколько используем и производим их.

Вещь, рассматриваемая в ее отдельности, есть вторичный продукт, вызванный как разделением труда между людьми, так и структурированием активности отдельно взятого человека. Здесь под продуктом я имею в виду не только и не столько результат предметной деятельности, сколько сам факт выделения некоторой вещи или предмета в качестве объекта специального внимания. В своем анализе сознания я буду исходить не из вещей, а из фрагментов сознательной жизни, представленных как осмысленное целое в воспоминании и теоретическом припоминании подобно целому траектории летящей стрелы.

Такие фрагменты можно назвать переживаниями. В повседневной жизни речь часто заходит о переживаниях. Мы говорим о переживании обиды и переживании боли, о сопереживании и об эстетических переживаниях. В более широком смысле даже весь отрезок сознательной жизни, который называется «детством» или «годами учебы», можно назвать переживанием. Так, говорят о переживаниях детства или об ошибках молодости, выделяя какой-то отрезок в подходящем воспоминании. Чтобы лучше уяснить, что здесь имеется в виду, хотя и никогда не выступает в отчетливой и развернутой форме, давайте рассмотрим гипотетический пример.

Предположим, что сотрудник некоторой фирмы успешно выполнил трудное и ответственное поручение, выходящее далеко за рамки его служебных обязанностей. Он ожидал, что за этим последует определенное вознаграждение, не очень глубоко задумываясь, какое именно: повышение по службе, премия или по крайней мере публичная похвала. В процессе дела у него и не было особого времени думать о таких вещах, и не было ясно, чем завершится само поручение. Но оно завершилось крупным успехом. И вот на собрании коллектива начальник говорит об этом успешном деле, ни словом не упоминая о нашем

⁴ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

сотруднике. Логично допустить, что наш сотрудник переживает обиду. Вернувшись домой, он вновь и вновь вспоминает свои усилия и тщетные ожидания, он расстроен и подавлен. Это и называется переживанием обиды. Но это переживание вскоре заслоняется другими делами, хотя, возможно, в результате такого переживания он принимает решение перейти в другую фирму. Однако на следующий день начальник вызывает его к себе и объявляет, что принял решение повысить его в должности. Кроме того, он приносит свои извинения и объясняет, что не должен был раскрывать публично истинного виновника торжества, дабы не терять свой авторитет. Положим, что наш сотрудник принимает эти объяснения как вполне соответствующие обстоятельствам и искренне радуется повышению в должности. Он забывает обиду, считая, что его переживание основывалось на ошибочной оценке ситуации. Теперь, вспоминая всю историю в целом, он уже совершенно иначе воспринимает свою первоначальную реакцию. В новом воспоминании все переживания перелицованы в смысле акцентов и общего стиля. Обида все еще вспоминается, но уже как ложная, основанная на ошибке. Интенсивность обиды погашена, она модифицировалась во второстепенный и временный момент оценки ситуации. Разумеется, этот пример (как, впрочем, и всякий искусственно придуманный пример) гипотетичен. Сотрудник мог и не принять извинений начальника и все-таки затаить обиду, считая, что повышением по службе ему просто заткнули рот; или, скажем, считая, что его обидели, он все-таки сумел стать выше этого, полагая, что главное — сделать хорошее дело, а кому приписана заслуга, не столь уж и важно. Конкретный ход и итог переживания зависят от очень многих факторов — тщеславия и самооценки, опыта предшествовавшей жизни, стратегических целей (если они есть) и тактических уловок. Нас сейчас интересует сама структура переживания. Какие предварительные выводы можно сделать из анализа этого и подобных ему примеров?

Под переживанием понимается вовсе не процесс фактического развертывания состояний сознания. Этот процесс в принципе недоступен анализу, точно так же, как нам ничего не скажет о полете мгновенный взгляд на летящую стрелу. Процесс сознания как таковой все время находится в становлении и направлен на саму ситуацию. Анализу доступен лишь некоторый завершившийся этап, но в свете дальнейших событий он подвергается пересмотру. Сам процесс анализа в принципе блокирован необходимостью продолжать сознание. Итак, под переживанием мы понимаем некоторый отрезок сознательной жизни (который на самом деле состоит из многих отстоящих друг

от друга во времени отрезков), представленный как целое в воспоминании. Хотя через это воспоминание переживающий обращается к самой прожитой ситуации, его оценка зависит от момента, в который происходит воспоминание, а точнее, от ситуации переживающего в этот момент. Так что переживание время от времени преобразуется и его вид в рассматриваемый момент мы (и он сам) и называем переживанием.

Сам феномен переживания был выделен и описан В. Дильтеем в книге «Переживание и художественное творчество», существенная часть которой была опубликована в 1877 г.⁵ Влияние этой работы на умственную жизнь того времени было огромным. Идея о том, что художественное творчество во многом зависит от собственных переживаний творца, породила бесчисленную литературу биографического и автобиографического жанра. По сведениям Х.-Г. Гадамера, само слово «переживание» (по-немецки — *Erlebnis*), образованное от глагола «пережить» (*erleben*), практически не встречается в немецкой литературе до публикации указанной книги Дильтея. Но вскоре это слово становится чрезвычайно частотным и проникает в другие европейские языки (в том числе и в русский). (Кстати, Дильтей был лично знаком с И. С. Тургеневым и в одной из своих работ рассказывает о том, как Тургенев работал над образом Базарова.)

Дильтей полагал, что в переживании репрезентирована сама реальность. С этим можно согласиться только при одной весьма существенной оговорке. Переживание репрезентирует субъективную реальность в той форме, как она видится самому переживающему, но при этом он принимает ее за реальность как таковую.

Здесь следует обратить пристальное внимание на важнейшую черту переживания — наличие дистанции. Под дистанцией я понимаю отсутствие непосредственного доступа к предмету переживания. Переживание есть переживание постфактум (одно кажущееся исключение мы рассмотрим позднее). Я не могу изменить факт нанесения мне обиды, а могу лишь изменить свое отношение к нему. Переживание включает происшедшее и ставшее в духовный горизонт личности. Оно протекает в обстоятельствах, отличных от той непосредственной ситуации, которая мыслится как уже состоявшаяся и теперь подлежа-

⁵ Эта книга, насколько мне известно, еще не переведена на русский язык. Ее содержание кратко описано в работе: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 108–114. На русском языке разработки самого В. Дильтея, относящиеся к понятию переживания, можно найти в кн.: Дильтей В. Собр. соч. Т. IV. М., 2001 (см. раздел «Фрагменты поэтики»: с. 423–436).

щая более обстоятельному осмыслению. Хотя переживающий мысленно находится на месте происшествия и обращается к нему, он *de facto* находится совсем в другом месте. В поэтической форме это хорошо выразил А. Кушнер:

Сбсе бессмертье представляя,
Я должен был пожать плечом.
Мне эта истина благая
Не говорила ни о чем.

И вдруг одно соображенье
Мелькнуло ярче остальных:
Что, если вечность — отраженье
Всех мимолетностей земных?

Допустим, ты смотрел на вилку,
Не видя собственной руки,
Двух слив, упавших за бутылку,
И раскрасневшейся щеки.

Теперь ты можешь на досуге
Увидеть все со всех сторон:
Накрытый стол, лицо подруги,
Деревья, солнце, небосклон.

Это воображаемое бессмертье и есть переживание.

Переживание располагает некоторым досугом. В нем переживающий, даже если он об этом не думает (как обычно и происходит), является другим для самого себя. Одно Я — герой переживания — видится как бы со стороны, а другое Я — субъект переживания — присутствует анонимно. Эти аспекты становятся доступными лишь по завершении переживания. В переживании ситуация мыслится как то, что было «на самом деле». Только в последующих воспоминаниях и в теоретическом анализе выявляется субъективность переживания: переживание относится к интенциональному объекту, конституированному в ходе переживания. Понятие интенционального объекта и понятие конституирования были глубоко разработаны Э. Гуссерлем, но он почти не занимался переживанием в разбиваемом здесь смысле (во многом соответствующем обычному словоупотреблению, только более глубоко истолкованному). В работах Гуссерля под переживанием понимается любой акт сознания. То, что мы здесь разумеем, Гуссерль называет очерченным переживанием. Феноменологическую теорию

таких переживаний развивает Альфред Шюц⁶. Но в его концепции многие принципиально важные моменты остаются незамеченными, а обсуждаемый здесь феномен готовности даже не упоминается.

Отметим, что другие участники ситуации могут воспринимать и переживать ее во многих чертах совершенно по-иному. Вопрос о том, какое из этих переживаний представляет «истинную» ситуацию, основан на ошибке. Всякая оценка ситуации зависит от позиции, положения того, кто оценивает. Даже визуальное изображение происшедшего с различных точек зрения видится по-разному. Причина ошибки, связанной с вопросом об «истинной» ситуации, кроется в неосознанной подмене моего мира, которому принадлежит переживание, интересующим субъективным миром, который является общим для всех нас. Хотя этот интересующий субъективный мир также конституируется каждым из нас в рамках своего собственного мира, он имеет особую структуру: «каждый — видит — всё». Внутри этой структуры те аспекты ситуации, которые я не могу описать общезначимым и общедоступным способом, просто опускаются как «сугубо субъективные» или «сугубо интимные». Тем самым переживание тривиализируется (такими тривиализированными переживаниями и занимается Г. Райл в книге «Понятие сознания»). То, что я могу объяснить близкому другу, который многое обо мне знает и относится ко мне с доброжелательным расположением, в принципе не может быть объяснено другим лицам, они просто этого не поймут, не имея в запасе подходящих общих воспоминаний. (Впрочем, художественная литература достигает такого объяснения своими особыми средствами; в известной мере и суд присяжных занимается такими нетривиальными переживаниями, но, во-первых, такой суд располагает для этого особыми средствами и, во-вторых, он не свободен от ошибок.) Однако в других отношениях «интересующий субъективный» мир более богат, чем просто «мой» мир. Хотя каждый из нас осуществляет конституирование нашего общего мира в рамках своего собственного мира, это конституирование протекает через постоянное общение, взаимную критику и коррекцию, причем последняя иногда осуществляется в виде грубого насилия. Критика и коррекция возникают непосредственно, при взаимодействии лицом к лицу. Они появляются и опосредованно — через законы и распоряжения, которые я вынужден признавать как имеющие силу, а также через

⁶ См.: Шюц А. Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, связанный смыслом. М., 2004. С. 735–801 (ч. 2: Конституирование осмысленных переживаний в присущей им длительности).

книги и распределение социальных ролей. Находясь у себя дома, в уединенном размышлении, я могу дать волю своему воображению, строить различные планы или просто мечтать. Но когда я пытаюсь осуществить эти планы, начать действовать, я сталкиваюсь с волей других людей, которые могут помочь мне, если я верно оценил их интересы, а могут и противодействовать. Действительный мир, мир действий — это сфера, в которой и возникают риск и особое напряжение готовности. Как мы уже говорили, в рутинных и привычных действиях это напряжение скрыто в анонимности и как бы убаюкано. Но оно может проявиться в любой момент. Полная разрядка достигается лишь в убежище домашнего очага, который удален от всех тревог и забот повседневной жизни. Но и находясь дома, я время от времени мысленно переношусь в тревоги и заботы предстоящего дня.

Во многом верное определение сущности переживания дает Макс Шелер в книге «Ресентимент в структуре моралей». Одно дело — мысленно расчленять содержание внутреннего восприятия на комплексы, а последние в свою очередь на простые элементы, изучать условия и следствия искусственно варьируемых (посредством наблюдений или наблюдений и эксперимента) комплексов, и другое дело — описывая и понимая, выявлять целостные переживания и смыслы, которые как таковые сами содержатся в человеческой жизни, а не порождены путем искусственного «разделения» и «отделения»⁷.

Что здесь очень верно подмечено, так это то, что переживание представляет собой смысловую единицу сознания. Смысл всегда есть через целостный смысловой контекст, а такой контекст дан нам только в рамках целого переживания.

Шелер, однако, остается в рамках установки «объясняющей» психологии. А для более глубокого понимания структуры переживаний необходимо развить онтологию различных частных миров, которые, взаимодействуя и пересекаясь, образуют наш единый мир — жизненный мир. Весьма плодотворна для понимания структуры переживаний концепция У. Джемса о множественности миров⁸. По Джемсу, начало всякой реальности лежит в субъективности: все, что возбуждает наш интерес, реально. Реальность некоторой вещи состоит в том, что она находится в определенном отношении к нам. Нашим изначальным импульсом выступает немедленное приписывание реаль-

⁷ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 7.

⁸ Эти идеи У. Джемса известны мне в пересказе Альфреда Шюца (см.: Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, священный смыслом. С. 401).

ности всему, что воспринимается, до тех пор, пока оно остается непротиворечивым. Но существует некоторое (возможно, неограниченное) число порядков реальности, каждый со своим специальным стилем существования. Джемс приводит в качестве примеров мир чувственно воспринимаемых вещей, мир науки, мир идеальных отношений, сверхъестественные миры мифологии и религии, различные миры индивидуального мнения, миры сумасшедших. Обыденный разум воспринимает все эти миры более или менее обособленно друг от друга и, имея дело с одним из них, забывает на время о его отношении к остальным. Все эти миры с их различным стилем существования присутствуют в переживании.

Конечно, как мы уже установили, переживание протекает в воображении. Но это не пустое фантазирование. С помощью воображения переживающий человек представляет себе ситуацию так, как будто она реальна и происходит сейчас. Вот к этой, конституируемой в воображении, но представляемой как реальная, ситуации мы и обращаемся. В работе «Переживание и действие» я описал по крайней мере некоторые из общих свойств, которыми обладает реальность, конституированная в переживании. Сейчас я хочу более тщательно исследовать особый тип переживания, связанный с феноменом готовности.

5. Свойства предварительного переживания

Описанием различных типов переживаний занимались многие авторы. М. Хайдеггер посвятил очень яркие страницы переживаниям страха и скуки⁹. Эти переживания носят онтологический характер. В страхе исчезает ощущение собственной личности, не мне, а кому-то жутко. В скуке сущее в целом ускользает от нас, и все смыслы становятся невнятными.

А. Шюц очень тщательно исследует переживание, которое можно называть «переживанием планирования некоторого действия»¹⁰.

Я теперь постараюсь по возможности полно исследовать, как осуществляется репрезентация предстоящего в ближайшем будущем события. Такое переживание я буду называть *предварительным переживанием*, так как часто его можно сравнить с переживанием того

⁹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 31–44.

¹⁰ См.: Шюц А. Выбор между проектами действия // Шюц А. Избранное: Мир, свершившийся смыслом. С. 116–148.

же самого события постфактум. Именно в таком переживании состояние готовности–неготовности дается нашему сознанию.

Для наглядности рассмотрим простой гипотетический пример — подготовку к сдаче экзамена. Будем вести изложение от первого лица.

Положим, я студент и мне предстоит через несколько дней сдать достаточно трудный экзамен, а сейчас я занят подготовкой к нему. Окончательно готовность к экзамену проверяется на самом экзамене, но переживание готовности и его разновидность — переживание неготовности — могут возникать и часто возникают в процессе подготовки.

Подготовка протекает по определенному плану. Я предполагаю, что знаю предмет достаточно хорошо и решаю для начала попытаться экспромтом ответить на каждый из экзаменационных вопросов, не заглядывая в конспект. И тут я обнаруживаю, что на самом деле не могу удовлетворительно ответить на многие вопросы. Здесь возникает следующее переживание: я представляю себе, что не успел подготовиться к экзамену и в результате провалился. Я вижу негодование преподавателя и сочувственные усмешки друзей, я слышу горькие упреки родителей и испытываю чувство стыда. В моем воображении разворачивается картина, которую можно назвать переживанием провала на экзамене. Это не галлюцинация и не сон. Через воображаемую картину репрезентировано возможное в будущем событие, но как уже совершившееся. Я знаю и, может быть, время от времени напоминаю себе, что еще не провалился. Но что в этом толку, если я чувствую себя неготовым к экзамену и это ощущение столь сильно, что трансформируется в спонтанно предполагаемый факт уже совершившегося провала? В пределах этого переживания провал ощущается как неизбежный, более того — как уже свершившийся. Я никогда еще не проваливался на экзамене и не знаю, какому преподавателю мне придется сдавать предстоящий экзамен. Поэтому в моем воображении возникает фигура типично строгого преподавателя, нетерпимого к нерадивым студентам. Моим друзьям никогда не приходилось наблюдать моего провала на экзамене, но они и раньше посмеивались, если я попадал в неловкое положение. Эти усмешки оказываются вставленными в воображаемую картину. Переживание неготовности — это разновидность переживания готовности со знаком минус. Оно, как мы видим, обладает некоторыми общими свойствами: типизацией (типичный преподаватель) и конкретизацией (детально прописанные отдельные моменты ситуации). Кроме того, можно заметить еще и свойство идеализации: картина разворачивается в упрощенном, но логически последовательном виде.

Свойство типизации сознания хорошо описано в работах Гуссерля и Шюца на примере восприятия¹¹. Скажем, я вижу на улице незнакомую собаку. Вижу не какое-то темное пятно, но именно собаку, а не кошку или крокодила, хотя, возможно, это — собака неизвестной мне породы. Мой прошлый опыт позволяет мне увидеть в новом предмете некоторые типические черты уже ранее воспринятых объектов. В предварительном переживании это общее свойство сознания проявляется по отношению к воображаемым лицам и предметам.

Свойство идеализации Гуссерль описывает различными способами. Один из них он называет «я могу сделать это снова»¹². В таком виде свойство идеализации могло бы проявиться в форме рассуждения на допредикативном уровне, т. е. в форме как бы рассуждения. Я уже не раз успешно сдавал экзамены, смогу и на этот раз. Конечно, это — идеализация. Успешная сдача предыдущих экзаменов не гарантирует успеха и на этот раз, но делает его весьма вероятным, так как есть много общего в подготовке к различным экзаменам. Другой способ идеализации Гуссерль называет «и т. д. и т. п.», т. е. я могу сделать это, затем вот это и т. д. и т. п. Опять же: такое свойство проявляется во время подготовки: решив пару контрольных примеров, заключаю, что смогу решить и другие подобные примеры. В рассматриваемой ситуации воображаемого провала свойство идеализации может проявиться и в других формах, например в форме абсолютизации: я не рассчитываю ни на какие поправки, преподаватель абсолютно строг.

Свойство конкретизации в предварительном переживании проявляется в виде прямого перенесения зрительных образов, хранящихся в памяти, в воображаемую ситуацию («усмешки друзей»). В иной форме это свойство проявляется в таком переживании как логическое рассуждение. Чтобы представить себе некоторый факт, например теорему Пифагора, я могу рассмотреть конкретный пример прямоугольного треугольника со сторонами 3, 4 и 5. Легко сосчитать, что $3 \times 3 + 4 \times 4 = 9 + 16 = 25 = 5 \times 5$. Таким образом, если прямоугольный треугольник имеет катеты длиной 3 и 4 см, то его гипотенуза должна быть равна 5 см.

Хорошо известна огромная роль конкретных примеров как в процессе обучения, так и в процессе исследования. Они помогают наглядно представить себе суть некоторого результата.

¹¹ См.: Шюц А. Смысловое строение социального мира.

¹² См.: Там же.

Три описанных выше свойства предварительного переживания (типизация, идеализация и конкретизация) можно обозначить как предпосылочность переживания. Переживание возможного провала возникает как следствие ощущения неготовности к экзамену, но конкретная воображаемая картина конституируется на основе само собой разумеющихся или даже вовсе не осознанных в пределах данного переживания допущений. Подразумевается, что я являюсь и хочу оставаться студентом, и притом одним из лучших, что я в общих чертах знаю, что такое экзамен, уверен, что времени, остающегося до начала экзамена, не хватит на подготовку к нему и что невозможно перенести срок экзамена, и т. д. и т. п.

Все эти предпосылки и определяют воображаемую картину, однако не осознаются как таковые. Но вот я вспоминаю, что время для подготовки еще есть, и решаю напрячь всю силу воли, чтобы за оставшиеся дни хорошо подготовиться к экзамену. Переживание неготовности при этом обрывается. Однако оно может вновь возникнуть в ходе подготовки, если она пойдет чересчур медленно. Переживание возможного провала сыграло свою роль. Не испугавшись провала, я, возможно, еще не начал бы готовиться, а занимался бы другими делами.

Когда мы говорим о подготовке и готовности некоторой вещи, например — самолета к полету, то подразумеваем, что в принципе эта вещь (самолет) пригодна к некоторому использованию (к полету по данному маршруту) и требуется лишь ее подходящим образом подготовить. То же самое относится и к готовности человека. Предполагается, что студент в принципе может сдать соответствующий экзамен, если предпримет достаточные усилия для подготовки к нему. Определенный уровень знаний и способностей при этом просто подразумевается. Все это, как и необходимость сдавать экзамен в определенный срок, — предпосылка переживания, а не его предмет. Если я всерьез усомнюсь в своей способности овладеть данным разделом науки, то переживание станет иным: а нужно ли мне оставаться студентом?

В переживании формируется (конституируется) образ ситуации «сдача экзамена», который служит основой для принятия решения: «сосредоточить все усилия для подготовки», или «попытаться перенести срок экзамена», или «перестать быть студентом» (это три разных переживания). В переживании неготовности указанный образ отождествляется с самой ситуацией. А что, если я узнаю от других студентов, уже сдававших данный экзамен, что преподаватель разрешает пользо-

няться конспектом, а его дополнительные вопросы сводятся к требованию сформулировать один из трех-четырех базовых, но простых результатов? В этом случае требования к готовности сводятся к знанию лишь немногих базовых положений предмета и способности разобраться в любом из экзаменационных вопросов с помощью конспекта. Тогда нужно лишь убедиться в том, что конспект достаточно полон и понятен, и уже нет оснований для мучительных переживаний. Конечно, мы рассматриваем конкретные гипотетические примеры только в интересах наглядности и полноты картины. Свойство предпосылочности переживания ясно *a priori*: так как предполагаемое событие известно лишь в общих чертах, мы должны реконструировать его на базе прошлого опыта и общих приемов рассуждения, а также не затрагивая тех свойств ситуации, которые придают ей ее сущностный смысл. Чтобы сдавать экзамены, нужно быть и оставаться студентом.

В примере со студентом, готовящимся к экзамену, мы (не оговаривая этого особо) допустили, что сдача экзамена — единственная обязанность, наложенная на него в данное время. Действительно, большинство студентов обычно не имеют семьи и их основное дело — обучение. Во взрослой жизни у человека всегда есть несколько конкурирующих занятий. Скажем, мне необходимо готовиться к лекциям, писать к определенному сроку научную статью, покупать продукты и отвечать на деловые письма, а еще я хотел бы пойти на выставку в картинную галерею и прочесть работы Дж. Дьюи, американского философа. Поэтому требуется постоянно перераспределять время между этими делами. В принципе, почти любое из указанных занятий может неожиданно потребовать исключительно интенсивных усилий. Поэтому внутреннее время моих переживаний никогда не совпадает с внешним астрономическим временем. Астрономическое время, измеряемое часами или по расположению звезд, служит идеальным способом синхронизировать усилия в интересубъективном мире. Я использую такое время, чтобы договориться о встрече или не опоздать на лекцию. Переход на летнее время по всей стране позволяет экономить электроэнергию в больших масштабах. Но мое внутреннее чувство времени зависит от заполненности данного отрезка моей жизни делами и событиями. Это приводит, в частности, к тому, что мне часто «не хватает времени», чтобы завершить то или иное дело. Менее важные дела откладываются в долгий ящик. Вот простое объяснение того факта, который поставил в тупик автора книги «Открывая сознание заново». Он пишет: «Общеизвестно, что феноменологическое время не соответствует в точности реальному времени, но я не знаю, как объяс-

нить систематический характер этих несоответствий»¹³. Именно отказ от анализа переживаний порождает такое недоразумение.

Избыток свободного времени часто менее полезен, чем его недостаток. Известно, что Ф. М. Достоевский писал свои романы, художественное достоинство которых не вызывает сомнений, в условиях постоянной нехватки времени. И. Ф. Стравинский в автобиографии приводит слова П. И. Чайковского о том, что великие музыканты сочиняли свои бессмертные творения совершенно так же, как сапожник шьет сапоги, т. е. изо дня в день и большей частью по заказу¹⁴.

Чтобы лучше описать структуру переживания, воспользуемся образом скобок, введенным Гуссерлем. В опыте феноменологической редукции философ выносит за скобки утверждение о реальности внешнего мира. Подобным образом в переживании все, что не относится к предмету переживания, «вынесено за скобки». Однако это «все» стучится в эти скобки как в закрытую дверь. Неожиданный звонок по телефону требует от меня немедленных действий и прерывает процесс моей подготовки к лекции. Или неожиданно приходит на ум новая идея, относящаяся к незаконченной статье. Или просто все это молчаливо ждет за дверью, заставляя меня работать собранно и интенсивно. Дела часто не укладываются в отведенное для них астрономическое время. Переживание имеет некоторый досуг, но всегда ограничено во времени, должно уложиться в рамки. Поэтому переживание обладает свойством финальности, оно устремлено к своему завершению. Переживание может быть просто прервано, остановлено внешними событиями (внезапный звонок в дверь). Тогда оно будет вновь возобновляться по завершении этих внешних событий. Оно может закончиться решением, нейтрализующим его исходный мотив (неготовность к экзамену). Наконец, оно может сойти на нет из-за признания иллюзорности его предмета: я всегда успешно сдавал экзамены и мне просто померещилась возможность провала из-за внезапной головной боли, которая теперь уже прошла.

Но пока оно длится, оно представляет собой конституирование интенционального объекта: провал на экзамене, каким я его себе представляю. Эта интенциональность просвечивает в переживании в форме мерцающего сомнения, но не может быть полностью положена в качестве чистой интенциональности: вера в реальность того, что рас-

¹³ Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002. С. 128.

¹⁴ Стравинский И. Хроника моей жизни. Л., 1963. С. 243.

крывается в переживании, есть его неотъемлемая составная часть как предварительного переживания.

Эта интенциональность проявляется в самом переживании в виде экзатичности. Переживание — это экстаз, выход из самого себя. Дело в том, что базовое свойство переживания — наличие дистанции. Переживается еще не состоявшийся провал, и переживается в тишине кабинета, а не в шуме университетского коридора. Поэтому, пока переживание длится, оно как бы постоянно выходит за эту дистанцию, оставаясь на месте.

В переживании возможного провала в утрированной форме переживается реальный риск: если я действительно не успею подготовиться, то могу и провалиться или по крайней мере получить более низкую оценку, чем та, которая меня устраивает.

Сравним теперь предварительное переживание с переживанием прочитанной книги или простым воспоминанием. В двух последних случаях переживающий человек вполне остается в рамках собственного внутреннего мира. Переживание предстоящего события носит пограничный характер. Оно приватно в ходе своего протекания, но относится к публичному событию, в котором переживающему предстоит участвовать. В нем я представляю и учитываю не только других людей, как я их понимаю, но и самого себя в их глазах.

Предварительное переживание имеет также свойство символичности. Переживается не только вот эта воображаемая ситуация, но и другие сходные с ней и уже произошедшие в прошлом. В психоанализе разработана весьма изощренная техника анализа символичности сновидений, однако эта техника носит преимущественно медицинский характер и предназначена для лечения неврозов. Предварительное же переживание, как правило, не есть невроз (хотя, как и любое сильное переживание, может перерасти в невроз). Понимание символичности такого переживания необходимо лишь в той мере и степени, которые требуются для принятия адекватного решения («более интенсивно готовиться к экзамену»).

Как показывают приведенные размышления, переживание готовности — или, говоря более точно, предварительное переживание — имеет достаточно интересную для исследования структуру. Далее мы рассмотрим роль таких переживаний в сознательной жизни человека.

6. Функции предварительного переживания

Переживание, как мы постарались здесь показать, — это смыслообразующий фактор человеческой жизни. Понять другого человека — значит понять, что он переживает в той или иной конкретной ситуации. Есть переживания, которые обладают ценностью в самих себе: это эстетические переживания. Однако есть и переживания, которые имеют свойство перерастать в жизненно важные решения. Такие переживания мы называем предварительными переживаниями. Предварительное переживание — это переживание готовности к предстоящему событию, переживание, в котором такое событие репрезентировано во всей полноте своего смысла.

Репрезентация события есть одна из функций переживания. Другая важная функция — это функция подготовки. Репрезентация предстоящего события происходит в условиях неопределенности, неполноты информации. Переживание — это подготовка ко всему. В ходе переживания воображаемое событие включается в контекст нашего жизненно-го мира: переживание имеет также мировоззренческую функцию.

В процессе репрезентации отдельные черты ситуации, не представляющие интереса, выпадают из картины, а другие приобретают, возможно, сильно гипертрофированное значение, гиперболизируются и абсолютизируются. Поэтому иногда предвосхищение оказывается более трудным и мучительным, чем само событие. Но репрезентация осуществляется в тепличных условиях домашнего очага, все риски пока еще — только воображаемые риски. Есть еще время подготовиться должным образом. Переживание выступает как вакцина, которая позволяет переболеть болезнью заранее. Это также существенная роль переживания.

7. Мир готовых вещей

Мы живем в мире, который состоит главным образом из заготовок и готовых вещей. Обилие таких вещей облегчает нашу жизнь, но влечет за собой и новые опасности. Эту тему я хочу здесь лишь наметить и обозначить.

Уже набили оскомину достаточно пустые разговоры о научно-техническом прогрессе. Но следует, безусловно, признать: облик современного мира складывается под сильнейшим воздействием научных открытий и технических изобретений.

Попробуем проанализировать структуру и характер этого воздействия. В основе лежит то, что принято называть фундаментальной наукой. Фундаментальная наука есть особого рода производство особого рода заготовок. Замечательный английский математик Г. Х. Харди говорил, что чистая математика — это результаты, которые никогда не будут использованы на практике. В буквальном смысле это фактически неверно. Однако нацеленность на быстрейшие приложения сужает горизонты науки, и есть серьезные основания для зачастую сугубо инстинктивного шараханья людей науки от практической сферы. Как раз наиболее абстрактные и, казалось бы, далекие от жизни научные открытия приводят в итоге к крупнейшим сдвигам в общественной жизни. Теория атомного ядра оказалась «заготовкой» для атомной и водородной бомб — одного из важнейших факторов всей системы послевоенных международных отношений. Все это кажется простым до примитивности, но имеет глубочайшие последствия.

В самом деле, науку делают люди, а им нужны средства к существованию. Но вот певичка без таланта и без голоса за одно выступление на телевидении получает баснословный гонорар, а те, кто изобрел основы телевидения, не получают ничего. В итоге научный прогресс может обернуться регрессом, а производство научных заготовок уже явно начинает чахнуть. В Европе большим спросом пользуются российские физики и химики, которые еще остались: молодые люди на Западе всё меньше испытывают желание заниматься трудным и благородным, но уже неблагодарным делом; Соединенные Штаты давно импортируют ученых с Востока.

Производство заготовок фундаментальной науки требует больших усилий в сфере образования, давно находящейся в состоянии кризиса, особенно в нашей стране. Человеческое сознание есть тоже особый род заготовок. Человек пользуется прежде всего родным языком, который он усваивает с детства. В его распоряжении огромное море готовых цитат и готовых мыслей. Но их готовность мнимая. Это — готовность пищи, а нужно переварить ее в ферменты, питательные соки организма. Такую работу и осуществляет переживание. Однако культура переживания все более угасает. Мы слышим бесконечные и плоские пересказы готовых мыслей и готовых идей. Впрочем, в этом нет фатальности. Мир снова станет прекрасным, если мы будем к этому стремиться.

Да будет взор твой тверд и ясен.
Сотри случайные черты,
И ты увидишь — мир прекрасен.

А. Блок